

Фу Вэй произнес:

— Так вот в чем дело. Вчера я совсем позабыл и не сказал тебе. Это пустяки. Ты получил звание гуншэна, сдав начальный экзамен с тройным первым результатом, так что поступить в Академию Гоцзыцзянь для тебя не составит труда. Я просто напишу тебе рекомендательное письмо. Трудности могут возникнуть лишь с переводом твоих документов из Академии экзаменов Цзяннань.

— Это трудно?

— Вовсе нет, просто потребуется время, а я боюсь, что это отвлечет тебя от занятий.

Фу Вэй занимал должность правителя дел в Академии Ханьлинь и стоял во главе этого ведомства, однако во всем Шэнцзине знали, что он лишь номинальный руководитель. Он никогда не жаловал службу своим присутствием, предпочитая целыми днями пить чай и любоваться цветами у себя дома. Чтобы уладить это дело, Фу Вэй, скорее всего, пришлось бы самому отправиться в Академию Гоцзыцзянь. В противном случае документы Тан Шэня перевели бы из Академии экзаменов Цзяннань обычным порядком, что затянулось бы по меньшей мере на полмесяца.

Внезапно Фу Вэй вспомнил слово «любопытно», которое вчера обронил один из его любимых учеников, и мысленно усмехнулся.

Пусть лучше трудится ученик, чем надрывается учитель!

Фу Вэй невозмутимо добавил:

— В таком случае пусть Мальчик-чтец проводит тебя к твоему старшему соученику. Для него подобные обходные пути — пара пустяков, он занимается этим изо дня в день.

Тан Шэнь обрадовался. Он и подумать не мог, что, придя сегодня к Фу Вэй, снова встретит Ван Чжэня.

— Вы имеете в виду старшего соученика Ван Чжэня? — спросил Тан Шэнь.

— Зови его просто Цзыфэн. Вэньшу, Цзыфэн сейчас должен быть в Финансовом приказе. Отведи к нему Цзинцзэ, пусть переведет его документы уже сегодня.

— Слушаюсь, — ответил мальчик.

Тан Шэнь вслед за Мальчиком-чтецом направился к Финансовому приказу. У величественных ворот ведомства с копьями в руках несли караул двое стражников в доспехах. Мальчик-чтец уверенно подошел к ним. Стражники, судя по всему, знали его в лицо и преграждать путь не стали. Шепнувшись с ними, Мальчик-чтец уныло побежал обратно:

— Молодой господин Тан, я так и знал! Ван Цюаня вовсе нет в Финансовом приказе! Бог знает, куда он опять запропастился. Если хотите, мы можем поискать его в Резиденции министра.

Немного подумав, Тан Шэнь ответил:

— Хорошо.

Они повернули к Резиденции министра. Когда они подошли к воротам, то издали увидели, как во двор вносят паланкин, украшенный официальными фонарями министра. Глаза

Мальчика-чтеца радостно блеснули, и он громко крикнул:

— Ван Цюань!

Из паланкина донесся чистый, звонкий голос:

— Стоять.

Из-за занавески показался белый веер на пластинах из светлого нефрита с каллиграфической росписью, который плавно отодвинул плотную ткань. Ван Чжэнь повернул голову к Мальчику-чтецу, но тут его взгляд скользнул в сторону и остановился на стоявшем неподалеку Тан Шэне.

Юноши из Шэнцзина внешне разительно отличались от тех, кто вырос в речном краю Цзяннани. Этот молодой человек стоял посреди шумной улицы, но держался так прямо и величественно, словно гордый и хрупкий лотос, невольно приковывая к себе взоры прохожих.

В голове Ван Чжэня промелькнула мысль, что юноши из управы Цзиньлин и управы Гусу тоже не похожи друг на друга. По крайней мере, его младшие братья и близко не отличались такой утонченной, благородной красотой, да и ума у них было поменьше, чем у этого младшего соученика. А тот определенно казался интересным.

Сделав вид, будто видит Тан Шэня впервые, Ван Чжэнь вышел из паланкина и спросил Мальчика-чтеца:

— У учителя ко мне какое-то дело?

Мальчик-чтец ответил:

— Учитель сказал, что молодой господин Тан хочет перевести свои документы из Академии экзаменов Цзяннань в Академию Гоцзыцзянь. Учитель просил вас помочь с этим и устроить все непременно сегодня.

Ван Чжэнь удивленно приподнял брови:

— Сегодня? — Он взглянул на закатное небо на западе. — В Академии Гоцзыцзянь скоро закончатся занятия.

Тан Шэнь поспешно вставил:

— Можно и завтра.

Ван Чжэнь пристально посмотрел на него и после недолгой паузы произнес:

— Пусть будет сегодня. Вэньшу, возвращайся домой, а мы с младшим соучеником съездим сами.

Мальчик-чтец, посчитав свое поручение выполненным, со спокойной душой оставил Тан Шэня на попечение Ван Цюаня.

Ван Чжэнь молча и пристально разглядывал Тан Шэня.

Тан Шэнь мысленно сокрушался, но вслух покался:

— Вчера я не знал, что вы мой старший соученик, и по ошибке принял вас за слугу. Простите

мою невнимательность.

— Неужели по ошибке? — тихо переспросил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь не расслышал и поднял на него глаза:

— Что вы сказали?

Ван Чжэнь улыбнулся и концом веера приподнял занавеску паланкина:

— До Академии Гоцзыцзянь путь неблизкий, лучше поехать в паланкине. Поднимайся, младший соученик, поедem вместе.

Примечание автора:

Старина Ван: Только посмотрите на этого моего младшего соученика, вылитый лотос, до чего же хорош.

Юный Тан: ...Чует мое сердце, идея использовать Ван Цзыфэна для продвижения по службе — худшее решение в моей жизни!

Тан Шэнь почувствовал неловкость. Он растерянно посмотрел на Ван Чжэня, не зная, как поступить.

Ван Чжэнь с улыбкой поторопил его:

— Ну же, младший соученик, идем?

Тан Шэнь опомнился:

— ...Хорошо.

Они уселись в паланкин, и Ван Чжэнь скомандовал:

— В Академию Гоцзыцзянь.

Носильщики подняли паланкин и зашагали в сторону академии.

Устройство чиновничьего аппарата в империи Великая Сун во многом следовало порядкам предыдущей династии, и правила, касавшиеся быта и содержания чиновников, соблюдались со всей строгостью. Чиновникам, не достигшим определенного ранга, запрещалось зажигать служебные фонари и использовать паланкины или повозки, не соответствующие их положению. Паланкин же, полагавшийся министру второго ранга, был весьма просторным — даже вдвоем ехать в нем было совсем не тесно.

На улицах города Шэнцзин бурлила жизнь, стоял несмолкаемый гул толпы, но этот шум не проникал внутрь паланкина. Тан Шэнь сидел, выпрямив спину.

Внутри царило молчание — никто не решался заговорить первым.

Когда они, по всей видимости, проезжали мимо торговых рядов с едой, сквозь стенки паланкина донеслись зазывные выкрики уличных торговцев. Ван Чжэнь открыл глаза и спросил:

— Ты уже ужинал?

Тан Шэнь растерялся и повернулся к нему.

Каким бы просторным ни был паланкин, двое мужчин сидели довольно близко друг к другу. Тан Шэнь отвел взгляд и, немного справившись с неловкостью, ответил:

— Нет.

Ван Чжэнь крикнул носильщикам:

— К лавке Цайцичжай.

— Слушаемся, — отозвался один из них.

Тан Шэнь слушал в полном недоумении. Он только прибыл в Шэнцзин и понятия не имел, что это за место. Однако лавка Цайцичжай, очевидно, находилась по пути. Носильщики не стали сворачивать в переулки и шли прямо. Примерно через четверть часа они остановились. Прошло времени не больше, чем требуется, чтобы выпить чашку чая, как один из слуг передал в паланкин завернутый сверток, от которого все еще исходило приятное тепло. Развернув его, Тан Шэнь увидел мягкие, белоснежные пирожные айвово из клейкого риса.

Тан Шэнь сразу понял намерение Ван Чжэня, но заметил, что сам старший соученик даже не думает угощаться. Почуввав неладное, он поразмыслил, аккуратно завернул айвово обратно в бумагу и сказал:

— Старший соученик, мы ведь едем в вашем паланкине, разве прилично мне здесь есть?

Ван Чжэнь взглянул на него:

— Я не против.

Тан Шэнь с серьезным видом произнес:

— Благородный муж не ведет праздных бесед за едой и не разговаривает перед сном. Принимать пищу вне обеденного стола также не подходит правилам приличия.

Ван Чжэнь на мгновение опешил. Он с улыбкой посмотрел на Тан Шэня и лишь спустя некоторое время ответил:

— А ты, младший соученик, человек с причудами. Что ж, тогда переоформим твои документы, и ты заберешь сладости с собой. Выпечка из лавки Цайцичжай весьма славится в Шэнцзине. Если понравится, сможешь покупать ее и впредь — у них в городе много лавок.

— Раз старший соученик рекомендует, я непременно попробую.

Вскоре паланкин остановился перед Академией Гоцзыцзянь. Тан Шэнь вышел следом за Ван Чжэнем.

Ван Чжэнь все еще был облачен в ярко-красное чиновничье одеяние. Стоило ему войти в Академию Гоцзыцзянь, как привратник почтительно поклонился и поспешил позвать дежурного ректора. Им оказался седовласый тучный старец. Увидев Ван Чжэня, он немало удивился, торопливо подошел ближе, поклонился и произнес:

— Ван Цюань.

Ван Чжэнь ответил на поклон:

— Господин Линь.

— Вы, Ван Цюань, уже давно не жаловали своим присутствием Академию Гоцзыцзянь. Позвольте узнать, что привело вас сюда сегодня? Впрочем, господин министр прибыл как раз вовремя. Я уже собирался уходить. Задержись вы еще немного, и в академии остались бы разве что несколько сотен учеников, готовых вас встретить.

Ван Чжэнь улыбнулся:

— У меня и впрямь есть к вам небольшая просьба. — Он слегка отступил в сторону. — Это мой младший соученик, его зовут Тан Шэнь, второе имя — Цзинцзэ, он прибыл из управы Гусу. В прошлом году в управе Гусу он сдал начальный экзамен с тройным первым результатом. Теперь он приехал в Шэнцзин продолжить обучение и в восьмом месяце намерен держать Осенний экзамен. Не могла бы Академия Гоцзыцзянь принять его в число своих учеников и перевести его документы?

Ректор Линь ответил:

— Разумеется, это выполнимо. Однако по правилам, чтобы поступить в Академию Гоцзыцзянь, гуншэну необходимо предоставить рекомендательное письмо.

Тут Тан Шэнь вспомнил, что Фу Вэй обещал написать рекомендательное письмо, но, когда они уходили из Поместья Фу, тот совсем позабыл отдать его. Тан Шэнь уже открыл было рот, чтобы сказать: «Я принесу письмо завтра», но Ван Чжэнь опередил его:

— Я сам напишу рекомендацию.

Ректор Линь кивнул:

— Раз за него ручается сам Ван Цюань, то никаких препятствий нет.

Все трое прошли в кабинет, где Ректор Линь приготовил кисти, тушь, бумагу и тушечницу. Ван Чжэнь слегка засучил правый рукав, взял брусок туши, капнул немного воды на камень и принялся неторопливо растирать ее. Затем он снял с подставки тонкую кисть из козьей шерсти, обмакнул ее в чернила и начал писать рекомендательное письмо.

Ректор Линь восхищенно произнес:

— Каллиграфия Ван Цюаня исполнена благородства и силы, черты тверды и безупречны. Мне посчастливилось видеть вашу работу полгода назад, и ваш почерк по-прежнему прекрасен!

— Господин Линь преувеличивает, — мягко ответил Ван Чжэнь.

— Вовсе нет, это чистая правда, от самого сердца.